

Зеркальные цветы и луна в воде прекрасны своей призрачностью и человеческими иллюзиями.

Под лунным светом, у кромки озера, тростник в лесу тихо покачивался, издавая шелест, а огоньки светлячков пробирались меж зеленых листьев. Здесь было необычайно красиво — до головокружения, до забвения.

Хундоу уже вошла в воду, а Чуныцзин всё еще сидел на берегу.

Чуныцзин смотрел на нее, поднял руку, сорвал с лица маску и спрятал за пазуху. Хихикнув, он произнес:

— Хундоу, ты линяешь! Столько с тобой мороки, ты хоть понимаешь, что я говорю? Маленькая ты бестия.

Хундоу издала низкое ржание, словно поняла его слова.

Самый густой мрак всегда наступает перед рассветом.

Если нет крайней нужды, никто не станет продолжать путь в такое время.

Чуныцзин, конечно, не стал бы, но Хундоу — другое дело, поэтому до рассвета они успеют добраться до Столичного города, где находится Чжилен.

Ночная мгла рассеялась, на востоке взошло яркое солнце, скрыв следы звездного неба. На дороге уже замелькали неясные, размытые силуэты людей.

Чуныцзин, лежа на спине лошади, смотрел на оранжевое солнце, выглядывающее из-за дальних гор. Он прищурился, зевнул, потерся лицом о гриву Хундоу и, смеясь, пробормотал словно в бреду:

— В это время та банда разбойников-якша уже наверняка разбежалась кто куда! И чего им, здоровым лбам, не жилось спокойно? Обязательно было идти в разбойники? Да и ладно бы, но ведь даже ремесло свое толком не освоили. Если бы не встреча со мной, им бы не сдобровать! Где еще найти такую добрую и отзывчивую лисицу, как я? А вот моя сестрица почему-то в упор не замечает, какой я замечательный!

Хундоу не отреагировала, продолжая размеренно и грациозно идти вперед.

Чуныцзин полежал на ее спине еще немного, затем сел, потянулся и, глядя на слегка размытые в лучах солнца очертания города, прищурился. Уголки его губ дрогнули в плутовской усмешке:

— Чжилен, прошу любить и жаловать!

Хундоу вдруг почувствовала холодок в шее, невольно вздрогнула, тряхнула головой и громко фыркнула.

Чуньцзин погладил ее по голове, прильнул к самому уху и, оскалившись, показал два острых клыка:

— Хундоу, пора навести порядок.

Хундоу вскинула голову, заржала и сорвалась с места, исчезнув на дороге, подобно ветру.

Чуньцзин провел в Столичном городе два дня. Он понял, что здешнее вино не такое ароматное, как в городе Юйи, ведь вино в Юйи создано, чтобы дурманить, а в Столичном — чтобы протрезвлять. Он понял, что здешние девушки не так красивы и не так обольстительны, как в Юйи, но в них есть некая изюминка — своего рода искушение воздержанием.

В женщинах он, по правде говоря, разбирался плохо. Из всех его знакомых лучше всех в них понимал Мужун Синьбай, и именно он был тем, о ком сестра не могла забыть.

Но после той битвы между расами лис и волков, какой не видывали тысячу лет, Мужун Синьбай исчез. Ни живым его не нашли, ни мертвым. Среди груды окровавленных тел удалось отыскать лишь его флейту из фиолетового бамбука, которую он берег пуще жизни.

Чуньцзин запрокинул голову и сделал большой глоток вина, которое обожгло горло, словно пламя. Прижимая к себе кувшин, он бросил взгляд на сцену и вскинул брови.

На подмостках девушка, прикрываясь пипой, пела мягким, певучим голосом. Она была облачена в длинное платье из черно-фиолетовой легкой ткани с широкими рукавами, которые сползли до локтей, обнажая нежные, как корень лотоса, предплечья. На левом запястье был повязан красный шнурок, а у узла звенел серебряный колокольчик размером с горошину.

Под платьем виднелся красный нагрудник с вышитыми розовыми лотосами, а ниже живота — юбка с разрезом до самого бедра. Она сидела, закинув ногу на ногу, и на правой ноге красовалась татуировка в виде пиона.

Зрители в зале уже были в стельку пьяны. Войдя, они выглядели прилично, но теперь сидели с распахнутыми воротами, являя собой жалкое зрелище. Они пожирали глазами девушку с пипой, и их взгляды пылали похотью.

Выражение лица исполнительницы было равнодушным — холодность, показавшаяся Чуньцзину смутно знакомой. Она опустила ресницы, словно не замечая лиц этих людей, или же ей было попросту все равно.

Чуньцзин приподнял веки, бросил на стол драгоценную жемчужину и, не оглядываясь, вышел прочь.

Как только мелодия стихла, девушка еще долго прижимала пальцы к струнам, моля эхо продлиться еще хоть мгновение. Она плотно сжала губы, опустив голову, и в ее глазах блеснули слезы. Кап — одна слезинка упала на струны, вызвав печальный звон.

Пальцы, застывшие на струнах, медленно разжались. Она глубоко вздохнула, поднялась вместе с пипой и произнесла:

— Господа, как мы и договаривались, кто из вас готов выкупить Циньлэ?

<http://bllate.org/book/19782/1949315>